

ХОЗЯЙКА МУЗЫКИ

НАВЕРНОЕ, нет искусства более пленительного и чудесного, чем балет. Медленно меркнет золото люстр, и вот уже в зале царит мир живых, летящих звуков, а на сцене расцветают прихотливые узоры танца. Сегодня это струящаяся песня «Бахчисарайского фонтана», завтра — гордый полет сказочной птицы Семург... Это щемлящая прерывистость воспоминаний безумной Жизели и воинственные пляски сорока девушек-амазонок. Это чеканная пластика «Спартак» и вечно чарующая поэзия «Лебединого озера».

Мы выходим из театра, унося в памяти имена и образы тех, кого видели на сцене. Но почти всегда забываем о том, что началось все по мановению палочки. Обычной дирижерской палочки, которую «рассудку вопреки» иногда все же хочется назвать волшебной.

Имя Дильбар Абдурахмановой — дирижера Большого академического театра оперы и балета имени А. Навои любителям музыки знакомо уже давно. О ней — первой и единственной в Средней Азии женщине-дирижере — начали писать уже тогда, когда, будучи совсем юной, она дирижировала симфоническим оркестром на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

Позади годы учебы, первые самостоятельные спектакли. Сейчас Дильбар Гулямовна — одна из ведущих дирижеров республики. В музыкальном театре нет четкого разделения «только оперный» или «только балетный» дирижер. В репертуаре Абдурахмановой — оперы «Травиата», «Паяцы», дипломной работой ее была «Аида». И все-таки последние годы четко определили ее пристрастие — балет.

— Балет — искусство красоты и молодости. А мне особенно приятно чувствовать себя всегда среди молодежи, — говорит Дильбар Гулямовна. — В балете я — полноправная хозяйка музыки. И я в большей степени ощущаю себя сопричастной к рождению и жизни спектакля. В балете от дирижера зависит особенно много — танец подчиняется музыке, и я всегда стараюсь помочь балерине или танцовщице до конца раскрыть себя, как можно полнее и глубже выработать образ.

Помочь балерине... Нам часто кажется, что дирижера волнует лишь музыка, что его единственная цель — вести оркестр в полном соответствии с партитурой. А на сцене — танцоры. С разными темпераментами, разной техникой, наконец, с разными физическими данными.

— Я очень люблю танцевать, когда за пультом Диля. С ней всегда интересно работать. Она понимает танец, у нее талант чувствовать балет. Есть дирижеры, которые не отрываются от нот. Диля не только знает наизусть партитуру, она ведет ее, как говорится, «по ноге» балерины. Она очень чутко ощущает перемены каждого исполнителя.

В работе мы всегда прислушиваемся и мнению Диля. В ней чувствуешь серьезного музыканта, и потом она — человек очень сильной воли. Впервые я это особенно почувствовала на гастролях в Каире, куда выезжала наша балетная труппа. Оркестр был местный, смешанный, несколько несобранный. И бунально за несколько репетиций Диля сумела создать по-настоящему серьезную, рабочую атмосферу. Оркестранты вытягивались при ее появлении. Добиться такого просто, особенно женщине...

Это говорит народная артистка СССР Галия Измайлова. От многих людей слышала я о Дильбар Абдурахмановой слова, полные уважения и теплоты.

Жизнь музыканта Дильбар начинала в оркестре театра имени Навои, где она

три года работала скрипачкой. Сюда же вернулась, закончив дирижерский факультет консерватории. Не только профессионально, но и просто по-человечески трудно стать творческим руководителем тех, кто вчера был твоим товарищем по работе. Это экзамен не только на мастерство, и Дильбар выдержала его, оставшись сама собой — прямой, предельно собранной и до страсти увлеченной главным — музыкой.

У народного артиста СССР Мухтара Ашрафи, композитора и дирижера, она училась еще в консерватории. После пяти лет учебы — годы совместного труда. Не раз за это время Дильбар приходилось дирижировать балетами педагога. Как учитель и как автор, он бывал подчас вдвойне строг. И с тем большей гордостью называет сейчас Мухтар Ашрафович ее своей лучшей ученицей.

Мы уже привыкли читать о тяжелом труде балерин, о том, что за внешней легкостью, грацией, изяществом скрыты часы упорных, до изнеможения репетиций. Мы знаем о долгих, подчас мучительных поисках авторов танца — балетмейстеров. Но задумываемся ли мы о работе дирижера — второго, равноправного создателя балетного спектакля? Что мы знаем об этом поистине титаническом труде?

Огромная книга, царство спящей музыки — партитура. Ее нужно не просто зыучить — разбудить. В ней надо прожить, прочувствовать каждую ноту, каждую паузу. И при этом постоянно перед глазами — сложный, разнообразный рисунок танца. Поэтому работа с балетмейстером начинается задолго до того, как дирижер берет ноты в оркестр. Создается хореография образа, ищется, проверяется каждый жест, и рядом с балетмейстером в репетиционном классе неизменно — дирижер. Только он может сказать, как чужденное движение войдет, вживется в музыкальную ткань балета. Лишь после того, как выучена наизусть каждая поза всех исполнителей, дирижер начинает работать с оркестром. И пройдет еще много времени до той минуты, когда первые такты увертюры прозвучат для зрителя.

«Мечта», «Жизель», «Золушка», «Сорок девушек», «Семург», «Спартак», «Дон Жуан»... Долго перечислять все спектакли, на афишах которых стоит имя Дильбар Абдурахмановой. Со многими балетмейстерами приходилось ей работать.

Начальные шаги балетного дирижера она делала под руководством М. Сатуновского, А. Кузнецова — постановщиков спектаклей «Бахчисарайский фонтан», «Дон Жуан», «Сорок девушек», «Миралидолина». На первых порах она в основном слушала, накапливала опыт, искала свой почерк. И уже в работу над спектаклями «Спартак» и «Семург» с И. Юсуповым она вошла как равный, зрелый художник.

С именем Дильбар Абдурахмановой связаны и последние премьеры узбекского балета: «Танавар» А. Козловского, «Кармен-сюита» Ж. Бизе — Р. Щедрина и «Барышня и хулиган» Д. Шостаковича. В создании их вместе с балетмейстерами Н. Маркьянцем и Г. Измайловой она принимала самое деятельное участие. Зрители, придшедшие на эти спектакли, наверное, отметят и своеобразие их хореографии, и мастерство исполнителей, но вряд ли подумают о том, с какими сложностями

ми пришлось столкнуться оркестру и в первую очередь дирижеру.

— Партитура А. Козловского, автора балета «Танавар», для оркестра очень интересна, но очень сложна, — говорит Дильбар. — Его музыка необычна, она будто источает аромат. И нужно было не потерять это ощущение в работе, донести его до зрителя. Музыка Шостаковича и Щедрина — новая для нашего оркестра задача. В «Кармен-сюите» занята только струнная группа оркестра, введено много новых, непривычных для симфонического оркестра инструментов. И так каждый раз возникают новые проблемы...

Работа. Бесконечная работа. С балетмейстерами, с танцовщиками, с оркестром. И довольно часто с композиторами. А. Хачатурян, М. Ашрафи, В. Бровцын, А. Козловский — сколько бесед, сколько репетиций было проведено с ними. Передать образный строй музыки, мысль композитора, его идею, прочувствовать их так, чтобы они стали частью тебя самой — только так ты сможешь вынести их в зрительный зал.

А балетная классика! Сколько радости, но сколько мук, поисков приносит каждое новое обращение к ее шедеврам. «Лебединое озеро», «Жизель», «Бахчисарайский фонтан»... Нужно найти в богатстве бессмертной музыки не только авторское, но и свое сегодняшнее ощущение мира, помочь понять его и танцующим на сцене, и сидящим в зале...

Искусство — суровый властелин, оно забирает без остатка. Брошена скакалка, сиротливо замер серый камешек на разлинованном асфальте, сейчас — время музыки. Скрипка выводит бесконечные гаммы, упражнения, этюды... Это занимается Лола — дочь Дильбар. Четверть века назад эти же гаммы играла она сама — ученица школы имени Глиэра.

— Моя жизнь с детства связана с музыкой, и другой я себе не представляю и не хочу. Не знаю, будет ли моя дочь скрипачкой или тоже захочет стать дирижером, но я очень хочу, чтобы она была музыкантом.

Музыкант. Человек, чье искусство не знает границ — ни временных, ни государственных, ни языковых. Не из инструмента, из души человеческой извлекает он ноты радости и скорби, грусти и гнева. Право называться мастерами этого цеха принадлежит только самым талантливым, чутким, самым упорным...

У меня в руках большая фотография: Дильбар с листом партитуры «Спартак», рядом с ней — композитор, чье имя известно сегодня всему миру. Внизу размышлено: «Милая и талантливая Диля! Трудитесь, совершенствуйте свое дарование. Желая настоящего расцвета Вашего таланта. Арам Хачатурян».

Наверное, под этими словами охотно подписались бы все, кто каждый вечер входит в широко распахнутые двери театра.

И. ЛУКЬЯНОВА.

ПРАВДА 3
ВОСТОКА стр.
19 АВГУСТА 1973 г. ●

ПРАВДА ВОСТОКА
Г. ТАШКЕНТ